

Здравствуй, Пушкин!

...К нам навстречу плыла виселица, утвержденная на
плоту, - три тела висели на перекладине...

Полная луна озаряла обезображенные лица несчастных.
Один из них был старый чуваш.

А. Пушкин.

1

В тот год на нас впервые это слово
Нахлынуло, как Волги вешней вал:
По селам края моего родного
С «Онегиным» тогда я разъезжал.

...Еще в осенних кочках первопуток.
Бежит поземка, запахнув азам:
То под такси сворачивает круто,
То мелким бесом кружит там и сям.

Колдует, дразнит, всюду попевая,
К стеклу с разбега прилипает вдруг.
А ветер чью-то песню допевает
И колокольчика доносит звук.

Там где-то, по сугробам темной жизни,
Кибитка одинокая летит.
Седок печальный - пленником в отчизне,
И нет конца колдобинам пути.

Один, один... Покажется и сбруя

Жандармским аксельбантом на коне.
Берез верхушки, небо полосую,
Свистят, как розги, в звонкой вышине.

На звезды он уставился с тоскою:
Раскинулся в безбрежье Млечный Путь...
Да, счастья нет! Но воли, но покоя...
Попробуй вслух хоть раз о них вздохнуть!

Булгарин, царь, тупая чернь в ливрее...
Сверкнул белками он, сжав крепко рот.
Медвежья шуба греет и не греет,
На бакенбардах - инея налет.

Все тот же колокольчик однозвучный,
Щемящие напевы ямщика.
Полозьев скрип да фырк коней докучный,
Да версты полосатые... Тоска!

2

Трехдневный месяц рыбкой золотою
Ныряет в редких тучах над леском:
То вдруг блеснет, как в сказке, головою,
То вдруг обиженно плеснет хвостом.

А где возок? Мой удивлен водитель.
Я с ним сам - друг. И больше никого?
Нет: с нами третий, не набором литер -
Живым и близким чувствую его.

Теснее, Пушкин! Мягкое сиденье
Удобно ли? Тепло ль тебе, поэт?
Позволь поведать о любви, что бденье
И сон мой заполняла много лет.

Давно все это было... Я к забавам
Был равнодушен, на слова был скуп...
Ко мне впервые отроком курчавым
Вошел ты сквозь лучинную тоску.

Осенними ночами долго, молча,
Облокотясь, сидели мы в тиши.
Я чувствовал, как с болью в эти ночи
Прорезывались крылья у души.

В твоих кудрях, как повилика, цепких,
В глазах, тревожно устремленных вдаль,
В губах - еще надутых, полудетских -
Иная открывалась мне печаль.

И раздвигалась тесная каморка:
Дождь, странником стучащий за стеной,
Подкидыш-ветер, плачущий так горько, -
Все обретало смысл иной...

3

Прошли года. И нету больше детства.
Зари туман развеян голубой.
Я вдруг прозрел. Отдернулась завеса:
Огромный мир предстал передо мной.

Я шел с открытою душой поэта,
Не склонный угождать слепой судьбе,
И бремя нес вопросов без ответа,
Как подмастерье мастеру, тебе.

Я понял: жизнь не праздник - не пристало
Беспечной песней каждый день встречать.
И в поэтический бокал немало
Пришлось воды мне трезвой подмешать.

Долг рос. Не выплатил народу дань я.
Не дело возвращаться с полпути.
Опять сомнения. Опять исканья.
Опять к тебе в учение идти.

И вот я толмачом твоим Татьяна
Смутила музу скромную мою.
Молчала муза и, ревнуя рьяно,
Косилась, низко опустив тухью.

Но, любознательная по природе,
Она вникала чутко в разговор -
И «полурусской» прослыла в народе
Подруга черноокая с тех пор.

Что ж! Пусть во мне потоков двух слиянье
Вскипает благотворною волной.
Не гордый внук славян, но - россиянин -
Хочу я русский знать, как свой родной...

Да, долго я беседовал с тобою
И, в каждом звуке точный смысл ища,
Хотел добыть его ценой любой,
Но до чего сума моя нища!

Благодарю тебя за муки слова.
Какая страсть овладевала мной,
Когда я добирался до родного
В иных созвучиях души иной!

О, миг неповторимый просветленья,
Когда, волнуясь, радуясь, скорбя,
Я пионером в дебрях вдохновенья,
Я словотворцем чувствовал себя!

4

Дороги наши - точно ямб проворный,
Летит наш огнеглазый аргмак.
Снега, снега... и вдруг - на белом черный -
Кондовый лес открылся на холмах.

Стоят дубы, что знали Пугачева,
Что в памяти клич Разина хранят;
Стоят, шумят по-зимнему сурово,
Но о весне привольной говорят.

Ты видел их: разросшись в три обхвата,
Вознесся над кряжами старожил.
Переживет меня он, как когда-то

Тебя и бурный век твой пережил.

Но нам ли быть в рабах у жизни тленной,
Зависящей от фазы звезд и лун?
И ты, как вызов правилам вселенной,
Бушуешь всенародно, вечно юн.

Лети, машина, будоража сердце,
Врезайся с ходу в светлые века!
Но здесь... позволим мы откинуть дверцу:
Нас ждет очаг — передохнем слегка...

Смотри: нет больше перекатной голи,
И каждый новый шаг осмыслен наш.
По Волге плыл, качаясь под глаголем,
В крови тонул, но выжил - жив чуваш.

С широким сердцем он тебя сегодня
Встречает как родного у ворот.
Любовь народа - Волги полноводней.
Войди, о гость, и проходи вперед.

За стол, поэт: стихам не жить без хлеба.
Нальем: да не остынет дружбы жар.
До дна! А если мало - звезды с неба
Мы зачерпнем литым ковшом Стожар.